

**АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ПЫПИН
КАК ИСТОРИК ГУСИТСКОГО ДВИЖЕНИЯ**

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ГАЛЯМИЧЕВ

The author of this article discovers contribution of Russian scientist A. N. Pypin (1833–1904) in the study of Hussite movement, examine interaction of science and political ideology.

Key words: Russian historiography; A. N. Pypin; hussite movement.

Дня 25 марта 2013 года исполнилось 180 лет со дня рождения Александра Николаевича Пыпина (1833–1904) – видного русского литературоведа, этнографа, историка культуры, археографа и публициста. Перу А. Н. Пыпина, являвшегося неутомимым тружеником науки, принадлежит около 1 200 научных работ.¹ В 1891 году он был избран в члены-корреспонденты Российской Академии наук, в 1898 году стал академиком.

Главным предметом научных интересов А. Н. Пыпина была история русской литературы, однако наряду с этим он обращался к широкому кругу проблем истории культуры и общественной мысли России и славянского мира.² На всём протяжении своей научной деятельности А. Н. Пыпин обращался к историческому прошлому чешского народа.

В рамках настоящей статьи мы ограничимся рассмотрением вклада А. Н. Пыпина в изучение лишь одного из многочисленных исследовательских сюжетов чешской истории, привлечших его внимание. Речь идёт об истории гуситского движения, осмысление которой занимало особое место в русской славистике XIX – начала XX вв.³ В наиболее полном, развёрнутом виде учёный сформулировал свой взгляд на гуситскую эпоху на страницах своих трудов, завоевавших широкую известность как в России, так и за рубежом – в *Обзоре истории славянских литератур*⁴ и втором томе *Истории славянских литератур*.⁵

Названные работы неразрывно связаны друг с другом, имеют много общего (вторая представляет собой расширенный вариант первой,⁶ а те их разделы, которые нас в первую

¹ БАРСКОВ, Я. Л. (ред.): *Список трудов академика А. Н. Пыпина, 1853–1903*. Санкт-Петербург 1903.

² О вкладе А. Н. Пыпина в научное славяноведение см. специальное исследование ЛАПТЕВА, Л. П.: *А. Н. Пыпин и его вклад в славяноведение*. In: *Славянский альманах* 2004, 2005, с. 177–209.

³ Осмыслению опыта изучения истории гуситского движения в русской науке этого времени посвящено обстоятельное исследование Л. П. Лаптевой. ЛАПТЕВА, Л. П.: *Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в. – 1917 г.)*. Москва 1978. В этой работе содержится тщательный анализ гуситоведческих трудов А. Н. Пыпина (с. 102–114, 220–225). В рамках настоящей статьи, подготовленной в связи с юбилейной датой, мы попытаемся ещё раз напомнить о том вкладе, который был внесён А. Н. Пыпиным в дело изучения гуситского движения в России, и внести некоторые новые штрихи в его творческий портрет.

⁴ ПЫПИН, А. Н. – СПАСОВИЧ, В. Д.: *Обзор истории славянских литератур*. Санкт-Петербург 1865.

⁵ ПЫПИН, А. Н. – СПАСОВИЧ, В. Д.: *История славянских литератур*. Том I–II. Санкт-Петербург 1879–1881.

⁶ Международное признание этой работы выразилось в том, что вскоре после своего выхода в свет она была издана в переводах на немецкий (Лейпциг 1880–1884), французский (Париж 1881), чешский (Прага 1880–1882) и сербо-лужицкий (Будишин 1881) языки. См. МЫЛЬНИКОВ, А. С.: *Пыпин А. Н. В: Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь*. Москва 1979, с. 287.

очередь интересуют, носят одно и то же название – *Гуситское движение* и *«золотой век» чешской литературы*, но вместе с тем отражают процесс неустанных идейных исканий и размышлений учёного, и потому второй, расширенный и дополненный вариант осещения А. Н. Пыпиным гуситской эпохи представляет для нас наибольший интерес.

Следует при этом отметить, что история гуситского движения к середине шестидесятых годов XIX века не осталась без внимания русских историков: первые специальные гуситоведческие работы в России вышли в свет ещё в конце сороковых годов XIX века.

Их авторы (В. А. Елагин, Е. П. Новиков, А. С. Клеванов и др.), изучив широкий круг памятников гуситской эпохи, разработали и обосновали так называемую теорию «гуситского православия». Её суть заключалась в том, что Ян Гус и последователи его учения в своей борьбе против католической церкви вдохновлялись никогда не умиравшим в Чехии духом православной веры. Этот дух сохранился под многовековым гнѐтом католицизма со времѐн святых братьев-просветителей славян Кирилла и Мефодия, которые составили свою знаменитую азбуку перед отъездом из Константинополя с религиозной миссией в Великую Моравию – славянскую державу IX века, главные центры которой находились на территории Чехии.⁷

Эта концепция была тесно связана с идеологией славянофильства, представители которого вынашивали надежды на возвращение чешского народа в лоно православия и его воссоединение с русским и другими славянскими народами в рамках единой славянской державы.

К середине шестидесятых годов XIX века концепция «православия гуситов» приобрела широкое распространение и почти официальное признание в России, будучи созвучной ведущим идеям внешнеполитической доктрины покровительства братьям-славянам.

А. Н. Пыпин предложил иное, новое для русской науки истолкование причин, сущности и исторического значения гуситских событий, что было связано с особенностями его общественно-политических взглядов и идейно-методологических основ научного творчества.

Общественно-политические взгляды А. Н. Пыпина характеризовались прежде всего глубоким демократизмом. В этой связи уместно вспомнить о том, что он был двоюродным братом всемирно известного русского писателя, революционного демократа Н. Г. Чернышевского, оказавшего большое влияние на становление личности А. Н. Пыпина.⁸ Он принимал деятельное участие в издании журналов *Современник* и *Отечественные записки*, протестовал против ареста и ссылки Н. Г. Чернышевского, а в 1861 году покинул Петербургский университет в знак протеста против политики правительства в области образования.

Вместе с тем А. Н. Пыпин не разделял революционных настроений двоюродного брата, неизменно оставаясь на позициях либерального просветительства в решении вопроса о путях разумного и справедливого переустройства жизненного уклада России.

По своим философско-мировоззренческим взглядам А. Н. Пыпин являлся представителем позитивистской науки второй половины XIX века, сторонником идеи

⁷ Подробное рассмотрение славянофильской концепции истории гуситского движения см. в ЛАПТЕВА, Л. П.: *Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в. – 1917 г.)*. Москва 1978, с. 27–100.

⁸ Следует при этом отметить, что узы родства А. Н. Пыпина и Н. Г. Чернышевского с детских лет были скреплены теснейшим, ежедневным общением: их дома находились по соседству, и сегодня дом Пыпиных располагается на территории Музея Н. Г. Чернышевского в Саратове, являясь его органической составной частью.

общественного прогресса и единства всемирно-исторического процесса. Эти мировоззренческие и научно-методологические принципы, были положены А. Н. Пыпиным в основу его освещения истории славянских народов и их литератур, которая рассматривалась в неразрывной, органической связи с историей Европы и развитием художественной культуры европейских народов.⁹

Тот взгляд на историю гуситской эпохи, который был представлен на страницах трудов А. Н. Пыпина, нес в себе ряд принципиально новых для русской науки и принципиально важных для понимания сущности гуситских событий моментов. Эта новизна определялась прежде всего самим подходом А. Н. Пыпина к гуситской эпохе как одному из этапов развития литературы. Саму же литературу учёный считал формой выражения общественной мысли.

Став предметом специального рассмотрения на страницах его работ, духовное содержание гуситского движения обрело виднейшее место в истории человечества. А. Н. Пыпин полагал, что гуситское движение следует считать *»самым крупным фактом в средневековой славянской литературе«*, имеющим *»глубокое значение в истории цивилизации«*.¹⁰

Суть того вклада, который был внесён чешскими гуситами в историческое развитие народов Европы А. Н. Пыпин наиболее отчётливо определил, подводя итог рассмотрению жизни и деятельности Яна Гуса. Учёный отметил: *»Такова была обширная деятельность человека, который был главой религиозно-нравственной реформы своего народа и решающим начинателем реформы в мире западно-европейском. В самом деле, проповедь и сочинения Гуса окончательно выводят нас из средних веков и ставят на ту нравственную почву, на которой выросло новое европейское сознание [...]. Его национальная борьба основывалась на стремлении возвысить нравственно народную массу. Его церковная и догматическая полемика целила к нравственному освобождению человеческой личности, которой он в первый раз возвращает её внутреннюю независимость и самобытность; для неё он ставит законом только Писание, уничтожая внешний авторитет, потому что истина стоит выше лица и выше всякого предания. Единственный обязательный для человека закон есть евангельское учение, которое Гус принимал во всей его первобытности, и собственный разум человека. Словом, в религиозных и моральных понятиях Гуса высказались начала той чистой человечности, которая стала впоследствии высшим идеальным основанием европейско-человеческого развития.«*¹¹

Таким образом, А. Н. Пыпин, рассматривая историю чехов и славян как составную часть истории Европы, не ограничился тем, что (подобно своим современникам – западноевропейским протестантским историкам церкви)¹² указал на роль Гуса в подготовке Реформации XVI века, а высказал мысль о более глубоком и гораздо более

⁹ О взглядах А. Н. Пыпина на место и роль славянских народов во всемирно-историческом процессе см. АКСЁНОВА, Е. П.: *А. Н. Пыпин о славянстве*. Москва 2006, с. 59–71.

¹⁰ ПЫПИН, А. Н. – СПАСОВИЧ, В. Д.: *Обзор истории славянских литератур*. Санкт-Петербург 1865, с. 2. В другом месте *Обзора* А. Н. Пыпин пишет: *»В чешской литературе мы в первый раз встречаемся с деятельным и блестящим вмешательством славянского племени в судьбы европейской цивилизации.«* Там же, с. 242.

¹¹ ПЫПИН, А. Н. – СПАСОВИЧ, В. Д.: *История славянских литератур*. Том II. Санкт-Петербург 1881, с. 853.

¹² См. NEANDER, A.: *Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche*. Bd. VI. Hamburg 1852, с. 330–727; BÖRINGER, F.: *Die Kirche Christi und ihre Zeugen oder die Kirchengeschichte in Biographien*. Bd. II. Zürich 1858, с. 1–746; KRUMMEL, L.: *Geschichte der böhmischen Reformation im XV. Jahrhundert*. Gotha 1866; KRUMMEL, L.: *Utraquisten und Taboriten*. Gotha 1871.

далеко идущем влиянии гусизма на идейно-нравственное развитие европейского общества.

Отметим, что именно такое видение места и значения гуситской эпохи в истории Европы приобрело ведущее место в науке и общественной мысли XX века и определяет точку зрения на этот вопрос в наши дни.

Значительный интерес представляет освещение А. Н. Пыпиным развития гуситского движения после трагической гибели Яна Гуса. Он полагает, что речь должна идти в этом случае о восходящей линии идейного развития движения, выражавшего самые сокровенные чаяния чешского народа. В этой связи важно подчеркнуть близость А. Н. Пыпина к представителям так называемой культурно-исторической школы в европейском литературоведении, пытавшимися преодолеть традиционную персонификацию литературного процесса,¹³ выявить его обусловленность ведущими тенденциями социального и политического развития эпохи.

Отметив факт разделения последователей Гуса на умеренное и радикальное направления, А. Н. Пыпин полагает, что подлинными последователями основоположника движения, выражавшими настроения широких масс народа, являлись табориты: *«Сам Гус, быть может, признал бы (с некоторыми исключениями) своими последователями скорее таборитов, чем тех, которые из его учения могли вынести только «калик»»*¹⁴ Как отмечает А. Н. Пыпин, в основе их идеологии лежало острое ощущение народной массой *«старой неправды»* и ожидание будущей справедливости. Именно с участием народных масс в движении Пыпин связывал появление у таборитов стремления к преобразованию общественного устройства: *«Появление таборитства было весьма естественно. Как скоро провозглашена была мысль, что истинный закон заключается только в Писании, что иерархия и духовенства не могут стеснять человеческого разума и совести, когда раскрыты были те безобразия, к каким пришла так называемая «церковь», предоставленная исключительно этой иерархии, понятно, что церковная власть, а наконец общественные порядки потеряли всякую веру. Чтение Библии чрезвычайно распространилось, и люди, искавшие новой жизни, находили в Библии всё, что им было нужно. Ревностное убеждение побуждало искать способов к практическому выполнению приобретённых правил, – для этого нужна была свобода действий. Надо было совершенно отделиться от старого общества – это и сделали табориты.»*¹⁵

Отмечая, что *«от литературной деятельности таборитов остались только немногие следы»* А. Н. Пыпин полагает, что *«история литературы тем более должна обратить на них внимание»*.¹⁶ Если эта литературная деятельность *«не развила сильного поэтического и научного содержания»*, отмечает учёный, то это *«понятно в эпоху, когда жизнь была поглощена борьбой, не дававшей времени сосредоточиться»*. Однако, давая общую оценку литературному наследию таборитов, А. Н. Пыпин отмечает: *«При всём том мы видим значительный успех научных интересов, развитие философского рационализма*

¹³ Следует отметить, что А. Н. Пыпин перевёл и подготовил к изданию на русском языке Историю всеобщей литературы XVIII в. Г. Гетнера, Искусство с точки зрения социологии Ж. М. Гюйо и другие работы видных западноевропейских учёных, а в своём научном творчестве уделял значительное внимание изучению этнографии и фольклора русского и других славянских народов. См. напр. ПЫПИН, А. Н.: Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. Санкт-Петербург 1857; ПЫПИН, А. Н.: История русской этнографии. Том I–IV. Санкт-Петербург 1890–1892.

¹⁴ ПЫПИН, А. Н. – СПАСОВИЧ, В. Д.: *История славянских литератур*. Том II. Санкт-Петербург 1881, с. 862.

¹⁵ Там же, с. 860–861.

¹⁶ Там же, с. 864.

и попытки основать демократические стремления гуситства не на хилиастических фантазиях, а на разумном понимании общественных отношений.»¹⁷

Объясняя причины поражения таборитов, А. Н. Пыпин склоняется к мысли о том, что они коренятся в самой их природе, далеко опередившей своё время: *»Конец был несчастлив, но это не уменьшает великости чешского дела: реформа восстала на принципах, владевшие целой Европой, восстала на них в пределах небольшой народности; не мудрено, что она подавлена была ещё сильной реакцией. За ней остаётся заслуга начинания и заслуга мужества.»*¹⁸

Отвечая же на вопрос об истоках исполинской силы гуситского движения, А. Н. Пыпин называл гуситскую эпоху периодом *»самого полного выражения национальности, проявления народных сил, физических, умственных и нравственных«*, причём *»самым полным (и вместе самым крайним) выражением гуситства, его наиболее последовательным и вместе самым национальным развитием«* являлся, по мысли А. Н. Пыпина, Табор.

При освещении вопроса о содержании и историческом значении гуситского Табора А. Н. Пыпин прикоснулся, таким образом, к необычайно актуальному для России его времени вопросу о «народности», «народных началах» как фактору исторического развития.¹⁹ Решительно отвергая представления о народности как некоей исконной, не подвластной переменам неизменной сущности, неподвижной традиции (что на практике, по мысли учёного, сводилось к призывам к сохранению темноты и невежества), А. Н. Пыпин выдвинул мысль о «народности» как постоянно обновляющемся под воздействием исторического опыта своде духовных традиций народа, который во многом определяет его настоящее и будущее.²⁰

Размышляя над природой и историческим значением гуситского движения, А. Н. Пыпин вновь и вновь обращался к теме «народности», придавая большое значение тому, как гуситское наследие и история этой героической эпохи воспринималась в самом чешском народе, причём не только на уровне исследователей-профессионалов, но и на уровне массового сознания.

А. Н. Пыпин в 1858–1862 гг. трижды побывал в этой стране и провёл в Чехии в общей сложности почти четыре месяца.²¹ Будучи тогда молодым профессором Петербургского университета, он много работал в библиотеках, встречался с классиками чешской исторической мысли Ф. Палацким и П. Й. Шафариком,²² знаменитыми чешскими писателями Карелом Яромиром Эрбеном, Вацлавом Ганкой, Боженной Немцовой, Яном Нерудой, слушал гуситские песни в исполнении патриотически настроенной студенческой молодёжи.

В итоге впечатлений и последующих размышлений у А. Н. Пыпина сложилось глубокое убеждение в великой жизненной и преобразующей силе духовного наследия

¹⁷ Там же, с. 867.

¹⁸ Там же, с. 889.

¹⁹ Достаточно вспомнить о том, что слово «народ» легло в основу двух полярно противоположных идеологических концепций России XIX века – теории «официальной народности» и революционного народничества.

²⁰ См. АКСЁНОВА, Е. П.: *А. Н. Пыпин о славянстве*. Москва 2006, с. 66–68.

²¹ См. РОВДА, К. И.: *По следам 1848 года (А. Н. Пыпин в Праге)*. Русская литература, 1970, No 1, с. 173–183.

²² Самый замысел создания *Истории славянских литератур* возник у А. Н. Пыпина во время его первой поездки в Прагу (декабрь 1858 – январь 1859 гг.), причём первоначально он намеревался перевести на русский язык с некоторыми комментариями и дополнениями изданную в 1826 году на немецком языке *Историю славянского языка и литературы на всех наречиях* П. Й. Шафарика.

гуситов, в котором отразилось срединное положение Чехии в Европе: *»Гус и движение, им вызванное, примыкают, по-видимому, одинаково и к передовому Западу, и к консервативному Востоку: с первым он исторически связан был европейским складом чешской жизни и образованности в недрах католицизма, со вторым – инстинктивным преданием славянской особенности.«*²³ Вглядываясь в будущее чешского народа, русский учёный полагал: *»Новейшее возрождение, волею или неволею, состоит только в том, чтобы возвратиться к подобной [т.е. развившейся во времена гуситства] нравственно-национальной самобытности, и, на наш взгляд, именно в этом настроении, строже сознанным, может надеяться на успех своей борьбы.«*²⁴

Таким образом, видный русский учёный разделял ту оценку исторического значения гуситской эпохи в судьбе чешского народа, которая красной нитью проходит сквозь труды и идейные искания выдающихся чешских учёных и общественных деятелей Ф. Палацкого и Т. Г. Масарика.

Resumé

Alexandr Nikolajevič Pypin jako historik husitského hnutí

Autor tohoto článku odkrývá příspěvek ruského historika Alexandra Nikolajeviče Pypina (1833–1904) ke studiu husitského hnutí a zkoumá vzájemné působení mezi vědou a politickou ideologií.

---

²³ ПЫПИН, А. Н. – СПАСОВИЧ, В. Д.: *История славянских литератур*. Том II. “Санкт-Петербург” 1881, с. 891.

²⁴ Там же, с. 889.